

Д. С. Мережковский

Стихотворения
(1883-1887)

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-1
ББК 84-5
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Стихотворения: (1883-1887) / Д. С. Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 96 с.

ISBN 978-5-4241-2350-4

Дмитрий Сергеевич Мережковский - известный русский и европейский поэт, писатель и философ Серебряного века. Один из основоположников русского символизма, он первым ввел в литературу жанр историософского романа.

ISBN 978-5-4241-2350-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.С. Мережковский, 2021

Дмитрий Сергеевич
Мережковский
СТИХОТВОРЕНИЯ
1883 — 1887

ЧАСТЬ I

*И отдашь голодному душу твою и
напитаешь душу страдальца; тогда
свет твой взойдет во тьме, и мрак твой
будет, как полдень.*

Исаия I VIII

ПОЭТУ

Не презирай людей! Безжалостной и гневной
Насмешкой не клейми их горестей и нужд,
Сознав могущество заботы повседневной,
Их страха и надежд не оставайся чужд.
Как друг, не как судья неумолимо строгий,
Войди в толпу людей и оглянись вокруг,
Пойми ты говор их и смутный гул тревоги,
И стон подавленный невыразимых мук.
Сочувствуй горячо их радостям и бедам,
Узнай и полюби простой и темный люд,
Внимай без гордости их будничным беседам,
И, как святыню, чтя их незаметный труд.
Сквозь мутную волну житейского потока
Жемчужины на дне ты различишь тогда:
В постыдной оргии продажного порока —
Следы раскаянья и жгучего стыда,
Улыбку матери над тихой колыбелью,
Молитву грешника, и поцелуй любви,
И вдохновенного возвышенною целью
Борца за истину во мраке и крови.
Поймешь ты красоту и смысл существования
Не в упоительной и радостной мечте,
Не в блесках и цветах, но в терниях страдания,
В работе, в бедности, в суровой простоте.
И, жаждущую грудь роскошно утоляя,
Неисчерпаема, как нектар золотой,
Твой подвиг тягостный сторицей награждая,
Из жизни сумрачной поэзия святая
Польется светлою могучею струей.
Декабрь 1883

ОСЕННЕЕ УТРО

Неприветное утро в тумане седом,
Для кого ты, зачем поднялось?
Без румяных лучей в полумраке сыром
Ты слезами дождя залилось.

О зачем ты с осенних угрюмых небес
Заглянуло с усмешкой немой,
Проникая меж бархатных складок завес
В благовонный роскошный покой —
На помятое платье с увядшим цветком,
На бокал недопитый вина,
Эту спальню красавицы бледным лучом
Пробуждая от неги и сна?
О, рассвет, на тебя ей взглянуть тяжело:
Новый день — только новый позор...
И горит от стыда молодое чело,
И поник отуманенный взор.
Для чего ты, как вор, незаметно проник
К бедняку в его скорбный приют,
Где, усталые очи смежая на миг,
Он забыл недоконченный труд?...
У него ты похитил минутный покой:
День борьбы и забот — впереди,
День постылой работы он видит с тоской
В наболевшей, разбитой груди.
И зачем ты к больному на ложе проник?
Перед мертвенным блеском твоим
Отвратил он свой бледный, измученный лик:
Новый день, день страданий пред ним.
И зачем в эту келью, печальный рассвет,
В этот мир упоительных грез,
Где так страстно мечтал одинокий поэт,
Ты заботу и горе принес?
Его лампа померкла в холодных лучах,
И перо он роняет с тоской,
И трепещет слеза в его скорбных очах, —
Он бессилен и нем пред тобой.
О зачем тебе было над миром вставать
Перед этим мучительным днем,
О зачем ты нам не дал навек задремать
И забыться во мраке ночном?

Ноябрь 1883

«Герой, певец, отрадны ваши слезы...»

Герой, певец, отрадны ваши слезы,
И ваша скорбь завидна, мудрецы:
Нетленный лавр, невянущие розы
Вам обовьют терновые венцы.
Светло горит звезда высокой цели;
Вам есть за что бороться и страдать,
И обо всем, что втайне вы терпели,
Должны века векам пересказать:

То выразят пленительные звуки
Певучих струн, иль славные дела.
Все назовут святыми ваши муки,
И загремит им вечная хвала.
Но там, в толпе, страдальцы есть иные,
Там скорби есть, терзающие грудь,
Безмолвные, как плиты гробовые,
Что не дают подняться и вздохнуть.
И много их, героев неизвестных,
Непризнанных, но твердых до конца,
Что не щадят в борьбе усилий честных
И падают, не требуя венца.
Их не смутит ни злоба, ни проклятья,
Они идут, как мученики шли
На смерть и казнь... Припомним же их, братья,
И руку к ним для крепкого пожатя,
Хотя на миг, протянем издали!
1883

НА РАСПУТЬЕ

Жить ли мне, забыв мои страданья,
Горечь слез, сомнений и забот,
Как цветок, без проблеска сознания,
Ни о чем не думая, живет,
Ничего не видит и не слышит,
Только жадно впитывает свет,
Только негой молодости дышит,
Теплотой ласкающей согрет.
Но кипят недремлющие думы,
Но в груди — сомнение и тоска;
Стыдно сердцу жребий свой угрюмый
Променять на счастье цветка...
И устал я вечно сомневаться!
Я разгадки требую с тоской,
Чтоб чему бы ни было отдаться,
Но отдаться страстно, всей душой.
Эти думы — не мечты досуга,
Не создание юношеских грез,
Это — боль тяжелого недуга,
Роковой, мучительный вопрос.
Мне не надо лживых примирений,
Я от грозной правды не бегу;
Пусть погибну жертвою сомнений, —
Пред собой ни в чем я не солгу!
Испытав весь ужас отрицанья,
До конца свободы не отдам,
И последний крик негодованья

Я как вызов брошу небесам.

Декабрь 1883

«В борьбе на жизнь и смерть не сдамся я вра-
гу...»

В борьбе на жизнь и смерть не сдамся я врагу!

Тебе, наш рок-палач, ни одного стенанья

И ни одной слезы простить я не могу

За все величье мироздания.

Нет! капля первая всей крови пролитой

Навек лицо земли позором осквернила —

И каждый василек на ниве золотой

И в небе каждый луч светила!

К чему мне пурпур роз и трели соловья,

И тишина ночей с их девственной лаской?..

Ужель ты прячешься, природа, от меня

Под обольстительною маской?

Ужель бесчувственна, мертва и холодна,

Ты лентой радуги и бархатной листвою,

Ты бриллиантами созвездий убрана

И нарумянена зарею,

Чтоб обмануть меня, нарядом ослепить

И скрыть чудовищность неправды вопиющей,

Чтоб убаюкать мысль и сердце покорить

Красой улыбки всемогущей,

Чтоб стал я вновь рабом, смирясь и позабыв

Все язвы нищеты, все ужасы разврата

И негодующий и мстительный порыв

За брата, гибнущего брата!..

Декабрь 1883

К СМЕРТИ

Отрывок

...Приди, желанная, приди,

И осени меня крылами,

И с нежной лаской припади,

Как лед, холодными устами

К моей пылающей груди!..

1883

«Весь этот жалкий мир отчаянья и муки...»

Весь этот жалкий мир отчаянья и муки,

Земля и свод небес, моря и выси гор,

Все впечатления, все образы и звуки,

Весь этот пасмурный и тесный кругозор

Мне кажутся порой лишь грезой ничтожной,
Лишь дымкой легкою над бездной пустоты,
Толпою призраков, мелькающих тревожно,
И бредом тягостным болезненной мечты.
И сердце робкое сжимается тоскливо,
И жалко мне себя, и жалко мне людей,
Во власть покинутых судьбе несправедливой,
Во тьме блуждающих толпою сиротливой,
Природой-мачехой обиженных детей...
Негодование бессильно замирает,
И чувства нового рождается порыв,
И трепетную грудь высоко подымает
Какой-то нежности ласкающий прилив,
Какой-то жалости внезапное волнение,
Участие ко всем, кто терпит, как и я,
Тревогу тех же дум, такие же сомненья,
Кто так же изнемог под ношей бытия.
За горький их удел я полон к ним любовью,
Я все готов простить — порок, вражду и зло,
Готов пойти на казнь, чтоб сердце жаркой кровью,
Терзаемо за них, по капле истекло!..

1883

КОРАЛЛЫ

Широко раскинулся ветвями
Чуждый неба, звуков и лучей,
Целый лес кораллов под волнами,
В глубине тропических морей.
Миллионам тружеников вечных —
Колыбель, могила и приют,
Дивный плод усилий бесконечных,
Этот мир полипы создают.
Каждый род, — ступень для жизни новой, —
Будет смертью в камень превращен,
Чтобы лечь незыблемой основой
Поколениям будущих времен;
И встает из бездны океана,
И растет коралловый узор;
Презирая натиск урагана,
Он стремится к небу на простор,
Он вознесся кружевом пурпурным,
Исполинской чашею ветвей
В полусвете мягком и лазурном
Преломленных, трепетных лучей.
Час придет, — и гордо над волнами,
Раздробив их влажный изумруд,
Новый остров, созданный веками,

С торжеством кораллы вознесут...
О, пускай в глухой и темной доле,
Как полип, ничтожен я и слаб, —
Я могуч святою жаждой воли,
Утомленный труженик и раб!
Там, за далью, вижу я над нами
Новый рай, лучами весь облит,
Новый остров, созданный веками,
Высоко над бездною царит.
1884

«Все грезы юности и все мои желанья...»

Все грезы юности и все мои желанья
Пред Богом и людьми я смело признаю;
И мне ни от кого не нужно оправданья,
И я ни перед кем в груди их не таю.
Я прав, когда живу и требую от жизни
Не только подвигов в борьбе за идеал,
Не только мук и жертв страдалнице-отчизне,
Но и всего, о чем так страстно я мечтал:
Хочу я творчеством и знанием упиться,
Хочу весенних дней, лазури и цветов,
Хочу у милых ног я плакать и молиться,
Хочу безумного веселия пиров;
Хочу из нежных уст дыханья аромата
И смеха, и вина, и песен молодых,
И бледных ландышей, и пурпура заката, —
Всей дивной музыки аккордов мировых;
Хочу, — и не стыжусь той жажды упоений:
Она природою заброшена мне в грудь,
И красотой иных божественных стремлений
Я алчущей души не в силах обмануть.
«Живи для радости!» — какой-то тайный голос
Повсюду день и ночь мне ласково твердит;
Волна, и темный лес, и золотистый колос, —
«Живи для радости!» — мне тихо говорит.
Все грезы юности и все мои желанья
Пред Богом и людьми я смело признаю;
И мне ни от кого не нужно оправданья,
И я ни перед кем в груди их не таю.
1884

«Порой, как образ Прометея...»

Порой, как образ Прометея,
Под вечным бременем оков
Весь род людей во мгле веков

Я созерцал, благоговя.
И я обнять его хотел
Моими слабыми руками,
И сердцем любящим скорбел,
И плакал чистыми слезами.
Я за него бы в этот миг
Пошел на смерть без содроганья,
Я жаждал пытки и страданья,
Я был герой, я был велик.
Но жизнь принять их не хотела,
Всех этих мук, и жертв, и слез:
Ей нужно — вместо пылких грез —
Простого, будничного дела;
Ей нужен — не полет орла,
Не смело поднятые крылья,
Но терпеливые усилия
Порабощенного вола.
А там, — за рядом дней убитых
Без вдохновенья, без страстей —
Смерть от укулов ядовитых,
Смерть — хуже тысячи смертей.
Могу я страстно ждать свободы,
Могу любить я все народы,
Но людям нужно от меня,
Чтобы в толпе их беспредельной
Под небом пасмурного дня
Любил я каждого отдельно, —
И кто бы ни был предо мной —
Ничтожный шут или калека,
Чтоб я нашел в нем человека...
Не мне бессильною душой,
Не мне принять с венцом терновым
Такое бремя тяжких уз:
Пред этим подвигом суровым
Я не герой — я жалкий трус...

1884

«Блажен, кто цель избрал, кто вышел на доро-
гу...»

Voluntas est superior intellectu.¹

Дунс Скотт

Блажен, кто цель избрал, кто вышел на дорогу
И мужеством бойца и верой наделен,
Кто бросился стремглав в житейскую тревогу,
Кто весь насущною заботой поглощен.
Волнуем злобой дня, в работе торопливой

Он поневоле чужд сомнений роковых,
И некогда ему отыскивать пытливо
Заветного ключа вопросов мировых.
Со знаменем в руках вступая в бой кровавый,
Он может ранами гордиться пред толпой,
Он может совершить свой подвиг величавый
И на виду у всех погибнуть, как герой,
Погибнуть, как орел, что гордо умирает,
Пернатую стрелой пронзенный в облаках,
И гаснущий зрачок на солнце устремляет,
Встречая свой конец в родимых небесах.
Но горек твой удел, мечтатель бесполезный:
Не нужен никому, от жизни ты далек.
И, трепетно склонясь над сумрачною бездною
Неразрешимых тайн, ты вечно одинок...
Струной, надорванной мучительным разладом,
Твой каждый чуткий нерв болезненно дрожит,
И каждый твой порыв неотразимым ядом
Сомнений роковых в зародыше убит.
В бездействии прожив, погибнешь ты бесцельно...
Не тронет никого твой заунывный плач,
Не в силах ничему отдалиться нераздельно, —
Ты сам своей душе — безжалостный палач.
Порой ты рвешься вдаль, надеждой увлеченный,
Но воля скована тяжелым, мертвым сном:
Ты недвижим, — как труп, в бессилье роковом,
Ты жив, — как заживо в могилу погребенный.
Хотя бы вечностью влачился каждый миг,
Из гроба вырваться на волю не пытайся;
Не вылетит из уст ни жалоба, ни крик, —
Молчи и умирай, терпи и задыхайся.

1884

«От книги, лампой озаренной...»

От книги, лампой озаренной,
К открытому окну я обратил мой взор,
Блестящей белизной бумаги утомленный,
На влажно голубой полуночный простор.
И слезы в тот же миг наполнили мне очи,
И в них преломлены, все ярче и длинней
Сплетаются лучи таинственных огней,
Что сыплет надо мной полет осенней ночи.
Склонился я в окно, и в пыльную траву
Бесплодно падают неведомые слезы;
И плачу я над тем, что завтра эти грезы
Я сам игрою нерв, быть может, назову,
Над тем, что этот миг всю жизнь не будет длиться,